

Томская школа аналитической философии: критические комментарии при переводе и редактировании аналитических текстов

Никоненко Сергей Витальевич, ФГБОУ «Санкт-Петербургский государственный университет»; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия, serg_nikonenko@rambler.ru,

Проект РНФ № 24-28-00275 «Аналитическая философия в России: эволюция и своеобразие».

Аннотация. Предметом статьи является исследование оснований философских взглядов представителей Томской школы аналитической философии в контексте их деятельности как комментаторов и редакторов аналитических текстов. Определяются институциональные и теоретические контуры Томской школы. Проводится реконструкция дискурса и методологии работы с аналитическими текстами. Обосновывается реализм как базисный теоретический принцип.

Ключевые слова: аналитическая философия, Томская школа, логика, реализм, язык

Исторические и идейные контуры Томской школы, основные теоретические позиции

Если смотреть на историю становления аналитической философии в России де-юре, то сам по себе концепт «аналитическая философия в России» - относительно недавно возникшее явление. Впервые этот концепт представительно прозвучал в названии тематического выпуска крупного журнала (Логос, № 2 (70), 2009, Аналитическая философия в России). В начале 2010-х гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Новосибирске, Екатеринбурге прошли масштабные конференции, позволившие представителям аналитической философии в России заявить о себе и сплотиться в рамках нового течения отечественной философии.

Де-факто же аналитическая философия в России рождалась ранее: в сложных, переломных, но творчески насыщенных 1990-х гг. Так исторически сложилось, что местом рождения первой и крупнейшей школы аналитической философии в новой российской истории стал Томский университет. Ведущими представителями Томской школы являются В.А. Суровцев, Е.В. Борисов, В.А. Ладов и В.В. Оглезнев. К этой школе примыкают видные ученые: А.К. Сухотин, А.Б. Дидикин, Е.А. Найман, О.Г. Мазаева, И.А. Эннс, К.А. Габрусенко, Е.И. Спешилова, Е.Н. Суханова и др.

Идейно-теоретические контуры Томской школы аналитической философии можно представить в виде следующих тезисов:

- Томская школа аналитической философии может быть названа «школой» вследствие следующих оснований: наличие консолидированной группы ведущих представителей; выраженная институциональная организация вокруг философского

факультета ТГУ и научно-образовательного центра «Философия языка и онтология»; проведение ежегодных конференций «Актуальные проблемы аналитической философии»; полный спектр научно-исследовательской работы (монографии, статьи, переводы, редактирование); педагогическая и просветительская деятельность, участие в грантовых проектах, подготовка молодых специалистов всех уровней.

- В ходе истории развития Томской школы осваивается полный спектр проблематики аналитической философии. Можно выделить три приоритетные направления теоретической деятельности школы: логика, эпистемология и философия права (отметим: родиной изучения аналитической юриспруденции в России является Томская школа).
- Томская школа вносит огромный вклад в дело переводов и популяризации идей классиков аналитической философии. В Томской школе сформулированы ведущие подходы к оценке идей Б. Рассела, Л. Витгенштейна, А. Айера, Г. Бейкера, П.М.С. Хакера, У.В.О. Куайна, Г. Харта, Б. Бикса, Ф. Вайсмана, П. Гича и др. Журналы «Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология», «Эпистемология и философия науки», «Правоведение», выпускаемые монографии издательств: «Издательство ТГУ», «Водолей», «Канон+», многочисленные тематические сборники являются основными местами публикаций представителей Томской школы.
- В качестве базовой идейно-теоретической установки Томской школы можно выделить *реализм* (в различных видах: логический реализм В.А. Суровцева, формальный реализм В.А. Ладова, феноменологический реализм Е.В. Борисова, правовой реализм В.В. Оглезнева). В свою очередь, выдвигается критическая позиция относительно антиреалистических и релятивистских течений аналитической философии, что, однако, не исключает стремления признать большое значение и критически исследовать эти течения.
- Томская школа является ведущей в области издания русскоязычной литературы по аналитической философии, что включает в себя полный спектр творческой работы с текстами (переводы, редактирование, комментарии). Этот аспект деятельности Томской школы станет предметом второго раздела.

Теоретические воззрения представителей Томской школы как переводчиков и редакторов текстов по аналитической философии

На протяжении тридцати лет представители Томской школы перевели на русский язык десятки монографий и статей аналитических философов, среди которых труды Б. Рассела, Л. Витгенштейна, У.В.О. Куайна, А. Айера, Г. Бейкера, П.М.С. Хакера, Г. Харта и др. Практически все переводы снабжались вступительными статьями или послесловиями, в которых, наряду с необходимыми для подобного жанра комментариями, содержатся теоретические размышления, которые мы впервые здесь подвергаем теоретическому исследованию.

Хотя взгляды ведущих представителей Томской школы широко представлены в монографиях, статьях, очерках, рецензиях, работа переводчика и комментатора особая. Только в этом жанре присутствует явственная близость с текстом, проникновение в его структуру, передача понятий текста (зачастую впервые) на ином, русском языке. Поскольку переводчик (или переводчики) выступает одновременно и редактором, то возникает стремление высказаться о тексте, комментировать его. Представители Томской школы

никогда, ни в одном из десятков подготовленных томов, не являются простыми трансляторами; они всегда интерпретаторы, зачастую критически настроенные, стремящиеся «править», «дописывать», «додумывать» переводимый текст. Особый жанр вступительной статьи или послесловия никогда не предоставляет много пространства; поэтому возникают яркие, концентрированные, меткие, порой провокационные суждения, зачастую не встречающиеся или более размытые в статьях и монографиях. К тому же комментарии переводчиков неизбежно оказываются «на виду» (классические переводы имеют значительную читательскую аудиторию). В этой связи, представление о деятелях Томской школы на основе комментариев к переводам существенно расширяет представление об идеях школы в целом; особенно, когда сами по себе разрозненные предисловия и послесловия рассматриваются в единстве. Таким образом, взятые как целое, редакторские комментарии представителей Томской школы могут быть выделены в качестве особого, специфического дискурса, в рамках которого осуществляется многоплановая работа с текстом в виде таких процедур, как перевод, редактирование, комментирование и критический анализ.

В.А. Суровцев – автор широко известных статей и монографий, посвященных логике и эпистемологии Рассела, Рамсея и Витгенштейна. Вступительные статьи к осуществленным им сборникам переводов Рассела дополняют монографическое и журнальное наследие ученого. К примеру, в предисловии к сборнику Б. Рассела «Философия логического атомизма» В.А. Суровцев выводит ставшие классическими в отечественной литературе контрапункты пересечения позиций Рассела и Витгенштейна. Он пишет: «По мнению Витгенштейна, основная ошибка Рассела заключается в уподоблении суждения наименованию, хотя и имеющему специфический характер, где по сути дела высказывание суждений и предложений предполагает наличие соответствующего комплекса, составленного из конститuent, непосредственно известных говорящему» [1. С. 188]. На первый взгляд, суждения о Витгенштейне в статье о Расселе представляются избыточными. Однако В.А. Суровцев дальновидно учитывает тот факт, что логические поиски Рассела после выхода в свет «Principia Mathematica» очно или заочно осуществлялись в ходе диалога с Витгенштейном. Суровцев акцентирует внимание на, казалось бы, школьных, но на самом деле фундаментально важных расхождениях Рассела и Витгенштейна. «С точки зрения Витгенштейна принимаемые Расселом допущения не верны, потому что они вместо того, чтобы говорить о знаках, нечто сообщают о действительности, привлекая такие понятия, как вещь, отношение и т.п.», - пишет он [1. С. 190]. В свете собственной теоретической позиции логического реализма, Суровцев показывает, что уже в «Трактате» прослеживается формалистический подход Витгенштейна, ведущий к постепенному отторжению языка от действительности, переходу на позиции лингвистического контекстуализма. В свою очередь, Суровцев представляет Рассела как последовательного эпистемологического реалиста, вопреки суждениям большинства критиков, вскрывающих логицизм британского философа. «Если существование *Сократа, Платона и Аристотеля* подтверждено опытом, то существование состоящего из них класса вывести из опыта нельзя. Классы являются результатом абстракции, а потому для Рассела представляют собой фикции», - пишет Суровцев [2. С. 13]. С нашей точки зрения, в отечественной литературе никто столь решительно не противопоставляет идеи Рассела и раннего Витгенштейна; причем автор данной статьи с такими взглядами совершенно согласен.

Выступая уже как переводчик трудов Витгенштейна, В.А. Суровцев продолжает вырабатывать особенный, индивидуальный взгляд на творчество британского философа австрийского происхождения. Как мы полагаем, В.А. Суровцев (вопреки практически всем

современным подходам) оказывается «консервативным» интерпретатором, продолжающим традиции московской школы витгенштейноведения. В самом деле, М.С. Козлова и А.Ф. Грязнов стремились сглаживать, а не акцентировать различия между ранним и поздним Витгенштейном. «Вопрос о соответствии языка и реальности должен, по Витгенштейну, решаться не только для символического языка логики, но и для любого языка вообще, в том числе для языка повседневной жизни, поскольку такой язык отличается от совершенного только тем, что мы не знаем его анализа», - считает Суровцев [3. С. 16]. Суровцев занимает позицию «логического» прочтения идей Витгенштейна (в определенном смысле коррелирующуюся с подходами М. Даммита, П. Стросона и С. Крипке), согласно которой «логический» подход к любому языку у Витгенштейна всегда доминирует над подходом «лингвистическим».

Вместе с тем, В.А. Суровцев вскрывает и тенденцию стремления Витгенштейна «психологизировать» теорию языка, проявляющуюся в акцентировании «игровых» семантических свойств языка. Здесь В.А. Суровцев провел значительную работу по «дистраиванию», систематизации замыслов и идей Витгенштейна в области теории цвета (совместно с К.А. Родиным). В самом деле, этот важный текст позднего Витгенштейна (переведенный указанными авторами совсем недавно, в 2022 г.) не представляет собой законченное, структурированное произведение. Осуществляя комментирование высшего уровня сложности, Суровцев и Родин приходят к допущению, что Витгенштейн стремится поколебать саму эмпирическую эпистемологию (прежде всего, учение Дж. Мура), поставив на место чувственных данных языковые конвенции. «Но одна только языковая игра без подкрепления соответствующего видения цветов приведет рано или поздно к ошибке просто потому, что невозможно “внешним” образом изложить и запомнить множество правил и внутренних отношений», - пишут авторы [4. С. 155]. Оперирование цветовыми понятиями связано не столько с особенностями зрительного восприятия, сколько с логикой употребления цветовых понятий в рамках определенной языковой игры. Характерно словосочетание: «логика употребления». Балансируя на грани последовательного антиреализма и социально-психологической трактовки языка, Витгенштейн, памятуя о реалистическом прошлом, так и не может перейти на эти позиции; стремление обрести новейшую «логику употребления» языка, как полагают Суровцев и Родин, приводят Витгенштейна к очевидным, трудноразрешимым противоречиям.

Подчеркивая эволюцию Рассела и Витгенштейна в сторону все более последовательного формализма, В.А. Суровцев делает ключевой фигурой для понимания этого процесса труд А. Айера «Язык, истина и логика» (впервые переведя сочинение на русский язык, совместно с Н.А. Тарабановым, 2010 г.). Суровцев пишет об Айере: «Традиционная метафизика, выходящая за рамки применения данного принципа [верификации – С.Н.], оказывается совокупностью лишенных смысла фраз; и ее нужно отличать от подлинной философии, представляющей собой аналитическую работу, снабжающую определениями символов, а не информацией о трансцендентной реальности» [5. С. 8]. Словосочетание «аналитическая работа», как нам кажется, удачно подчеркивает существенно изменившийся к 1930-м гг. фон аналитической философии, когда усилившиеся формалистические тенденции позволяют заниматься анализом языка, минуя (или существенно сглаживая) дискуссии об эпистемологических основаниях языка.

Огромный вклад – как переводчики и комментаторы – В.А. Суровцев и В.А. Ладов вносят в представление на русском языке сочинений Г. Бейкера, П.М.С. Хакера и С. Крипке, посвященных дискуссиям о Витгенштейне (Бейкер и Хакер рассматриваются как соавторы одной концепции). Суровцев и Ладов выражают четкую теоретическую позицию с позиций

реалистической философии: вопреки устоявшимся мнениям, они несколько нивелируют «глобальный» и «непримиримый» характер споров между «Лингвистическим идеалистом» и «Крипкенштейном» (образами прочтения Витгенштейна Бейкером-Хакером и Крипке). По мнению Суровцева и Ладова, споры Бейкера-Хакера и Крипке суть споры антиреалистов, ведущиеся в рамках единой онтологической картины мира. Это не мешает уточнить позиции: «Подход Бейкера и Хакера позволяет предположить, что их понимание правил грамматики, хотя и выходит за рамки корреспондентских теорий значений, где во главу угла ставится вопрос о соответствии языковых выражений фактам действительности, все еще остается в границах теорий когерентности <...> А это все еще вполне укладывается в оппозицию “реализма - антиреализма”, господствующую в аналитической философии последних лет», - пишут Суровцев и Ладов [6. С. 229]. Аналогично авторы уточняют и теоретическую позицию Крипке: «Нужно признать, что предназначение языка никогда и не состояло в том, чтобы обозначать вещи. Скорее, функция языка состоит в обеспечении intersubъективной коммуникации при осуществлении совместной деятельности, которая, как оказывается, вполне может обойтись и без строгой референции к вещам» [7. С. 8]. В своей совместной работе Суровцев и Ладов приходят к воззрению на дискуссию о скептицизме относительно правила, обладающему содержательной новизной: эта дискуссия впервые в отечественной философской мысли рассматривается последовательно-критически – как спор относительно уточнения правильности прочтения Витгенштейна с антиреалистическом ключе.

Здесь следует особо отметить, что представители Томской школы, как переводчики и редакторы, демонстрируют безупречный исследовательский такт. Будучи реалистами, существенно расходясь во взглядах с переводимыми классиками, томские ученые (что соответствует именно духу русской философии) стремятся вскрыть внутреннюю «правду» в антиреалистических, идеалистических, релятивистских позиций. Это проявилось в редактировании нескольких переводов трудов У.В.О. Куайна (где В.А. Суровцев и В.А. Ладов опять работают совместно). Переводчики и редакторы труда «С точки зрения логики» справедливо не видят перспективы в рассмотрении Куайна как «антипода» Рассела, внося существенную новизну подхода. Суровцев и Ладов отмечают, что Куайн базируется на иных онтологических допущениях, нежели Рассел: прагматистских, а не эмпирических. Они разрабатывают интерпретацию остенсивных высказываний по Куайну. «Куайн говорит, что никто из позитивистов не обратил внимания на то, что проблема возникает с так называемой точкой остенсии (то место на воображаемой плоскости, куда попадает прямая, проведенная от указательного жеста к предмету). Оказывается, что эта точка еще не гарантирует четко фиксированного видения предметов. Напротив, она допускает плюрализм интерпретаций», - пишут они [8. С. 9]. По сути, куайновская трактовка высказываний не сталкивается с реальностью; она замкнута в рамках концептуальной схемы. В последние годы в исследованиях Томской школы критика лингвистического релятивизма, равно как и любых антиреалистических и натуралистических концепций, становится все более заметной.

Томская школа стоит у истоков отечественной аналитической юриспруденции. Это подкрепляется не только теоретическими работами, но и редакторскими статьями переводчиков трудов Г. Харта, Б. Бикса и других англоязычных правоведов. Крупным теоретическим достижением выступает перевод и редактирование сборника работ Харта «Философия и язык права» (2017), осуществленный В.В. Оглезневым и В.А. Суровцевым. Выход этой книги повлиял на существенное изменение подходов к Харту в нашей стране (ранее Харт изучался, прежде всего, как автор труда «Понятие права»). Комментаторы

скрупулезно работают с текстами и биографическими реалиями Харта, вскрывая тот факт, что Харт формируется в атмосфере Оксфорда, подпадая под значительное влияние Остина, Райла, Грайса и других теоретиков обыденного языка. Глубокая мысль Оглезнева и Суворцева коренится в том, что специфическая тематика права зачастую не позволяет увидеть в Харте именно аналитического философа. На самом деле значение Харта в том, что он вовлекает проблематику юриспруденции в контекст аналитической традиции. «Харт же предпочитает новый подход, который учитывает роль в определении примитивных значений фактов словоупотребления. Нет никаких исходных или примитивных значений, которые известны через знание-знакомство и непосредственно выражены простейшими языковыми выражениями, которые указывают на пресловутые простые качества», - пишут томские авторы [9. С. 16]. Таким образом, Харта можно причислить к крупнейшим аналитическим философам и представителям витгенштейнианства, основавшим целый раздел аналитической философии.

Особый, специфический жанр вступительных статей (или послесловий) переводчиков и научных редакторов требует скрупулезной сосредоточенности на переводимом тексте. По своей сути, такой жанр располагает к атомизму комментаторских работ. Однако, как мы попытались показать, представители томской школы в этой сфере работы демонстрируют унифицированный подход с позиций критического реализма, не исключая критического отношения к переводимым текстам. В результате возникают текстологические интерпретации, имеющие существенное значение для понимания проблематики аналитической философии.

Выводы исследования

В ходе проведенного исследования достигнуты следующие результаты:

- Проанализированы институциональные и теоретические основания выделения концепта «Томская школа аналитической философии»;
- Показано, что реализм выступает базовым принципом философии ведущих представителей Томской школы;
- Вскрыты основания и специфические особенности дискурса редакторской работы с аналитическими текстами; сделана попытка рассмотреть вступительные статьи (предисловия, послесловия) представителей Томской школы как идейно взаимосвязанные тексты.
- Выявлены научная новизна и сущность критической рецепции представителей Томской школы по отношению к редактируемым аналитическим текстам.

Список литературы

1. Суворцев В.А. Логический атомизм: источники и перспективы одной коллизии // Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Изд-во «Водолей», 1999. С. 180 – 191.

2. Суровцев В.А. Программа логицизма и теория типов Бертрана Рассела // *Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы.* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. С. 7 – 22.
3. Суровцев В.А. Ранний Витгенштейн: материалы к «Логико-философскому трактату» // *Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916.* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 3 – 28.
4. Суровцев В.А., Родин К.А. Логика цветовых понятий в «Заметках о цвете» Л. Витгенштейна // *Витгенштейн Л. Заметки о цвете.* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. С. 138 – 159.
5. Суровцев В.А., Тарабанов Н.А. От переводчиков // *Айер А.Дж. Язык, истина и логика.* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 5 – 9.
6. Ладов В.А., Суровцев В.А. Скептик, или к бессмыслице обратно // *Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык.* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. С. 203 – 230.
7. Суровцев В.А., Ладов В.А. От переводчиков // *Крунке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке.* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 5 – 8.
8. Ладов В.А., Суровцев В.А. «С точки зрения логики» У. Куайна (предисловие переводчиков) // *Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков.* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 5 – 18.
9. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Философские взгляды «раннего» Г. Харта и проблемы языка права // *Харт Г.Л.А. Философия и язык права.* М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 7 – 26.

References

1. Surovtsev, V.A. (1999) *Logicheskij atomizm: istochniki i perspektivy odnoj kollizii* [Logical Atomism: The Prospects of One Collision]. In: Russell, B. (1999) *Filosofiya logicheskogo atomizma* [The Philosophy of Logical Atomism]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Tomsk: Vodoley. pp. 180 – 191.
2. Surovtsev, V.A. (2022) *Programma logicizma i teoriya tipov Bertrana Rassela* [Bertrand Russel's program of logicism and type theory]. In.: Russell, B. (2022) *Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Mathematical Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation. pp. 7 – 22.
3. Surovtsev, V.A. (2018) *Rannij Vitgenshtejn: materialy k «Logiko-filosofskomu traktatu»* [Early Wittgenstein: Notes to Tractatus Logico-Philosophicus]. In: Wittgenstein, L. (2018) *Dnevniki 1914 – 1916* [Diaries 1914 - 1916]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation. pp. 3 – 28.
4. Surovtsev, V.A., Rodin, K.A. (2022) *Logika tsvetovyh ponyatij v «Zametkah o tsvete» L. Vitgenshtejna* [The Logic of Coloristic Concepts in L. Wittgenstein's Bemerkungen über die Farben]. In: Wittgenstein, L. (2022) *Zametki o tsvete* [Bemerkungen über die Farben]. Translated from English by V.A. Surovtsev, K.A. Rodin. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation. pp. 138 – 159.
5. Surovtsev, V.A., Tarabanov, N.A. (2010). *Ot perevodchikov* [By Translators]. In: Ayer, A.J. (2010) *Yazyk, istina i logika* [Language, Truth and Logic]. Translated from English by V.A. Surovtsev, N.A. Tarabanov. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation. pp. 5 – 9.

6. Ladov, V.A., Surovtsev, V.A. (2008) *Skeptik, ili k bessmyslice obratno* [Sceptic, or Return to Nonsense]. In: Baker, G.P., Haker, P.M.S. (2008) *Skepticizm, pravila i yazyk* [Scepticism, Rules and Language]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation. pp. 203 – 230.
7. Surovtsev, V.A., Ladov, V.A. (2010) *Ot perevodchikov* [By Translators]. In: Kripke, S.A. (2010) *Vitgenshtejn o pravilah i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English by V.A. Surovtsev, V.A. Ladov. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation. pp. 5 – 8.
8. Surovtsev, V.A., Ladov, V.A. (2010) «*S tochki zreniya logiki*» U. Kuajna (predislovie perevodchikov) [W. Quine's From a Logical Point of View (Preface by Tranalators)]. In: Quine, W.V.O. (2010) *S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskih ocherkov* [From a Logical Point of View. 9 Logico-Philosophical Essays]. Translated from English by V.A. Surovtsev, V.A. Ladov. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation. pp. 5 – 18.
9. Ogleznev, V.V., Surovtsev, V.A. (2017) *Filosofskie vzglyady «rannego» G. Harta i problemy yazyka prava* [“Early” Hart's Philosophical Views and the Problems of Juridical Language]. In: Hart, G.L.A. (2017) *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and Juridical Language]. Translated from English by V.V. Ogleznev, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation. pp. 7 – 26.

